УДК 322:2:348.72

ИСАЕВ А.В.,
ИСАЕВА Ю.В.

Миссионерская деятельность религиозных объединений: социально-политический аспект

Авторы рассматривают миссионерство как закономерное культурно-историческое явление, которое становится одним из инструментов влияния на политическую направленность социальных преобразований.

Ключевые слова: миссия, миссионерство, миссионерская деятельность, прозелитизм.

В современных историко-культурных и социально-политических реалиях российского общества актуализируется вопрос о миссионерской деятельности религиозных объединений. Это связано с тем, что неоднозначная трактовка термина «миссионерство», которая имеет место в российской действительности, зачастую становится причиной недопонимания роли и значения миссионерской деятельности религиозных организаций в жизни общества и государства. В связи с этим наш исследовательский интерес направлен на анализ понятий «миссия», «миссионерская деятельность (миссионерство)», «прозелитизм» с позиций различных методологических подходов и выделение их сущностных характеристик. Исследование базируется на работах И.А. Арзуманова, Д. Боша, Ю.В. Колесниченко, А. Кураева, М.П. Свищева, В.Ю. Софронова, А.Е. Трусовой, Н.А. Трофимчука, О.Л. Церпицкой и др., посвящённых теоретическим и практическим аспектам миссионерской деятельности религиозных организаций.

Среди перечисленных нами понятий основополагающим является понятие «миссия», которое имеет несколько взаимосвязанных, но не совпадающих друг с другом значений. Первое (от латинского «missio») означает «посылание». Второе значение используется, когда ведется речь об ответственном задании, какой-либо роли и поручении (например, великая миссия поэта). Третье значение: «миссия» – это постоянное дипломатическое представительство во главе с посланником[1]. Отметим, что в указанных значениях анализируемый термин используется в светской науке и обыденном мышлении. В религиозном контексте христианства миссией именуется евангелизационная деятельность, целью которой является донесение Благой вести о Христе до каждого человека и до всех народов. Православная миссия, сущность которой отражена в Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви[2], имеет перед собой задачу не только научения просвещаемых народов вероучительным истинам и воспитания христианского образа жизни, но и передачи опыта Богообщения посредством личного участия человека в таинственной жизни евхаристической общины.

Таким образом, в светском понимании миссия – это не технология корпоративного успеха, а многомерная, всесторонняя жизненная позиция и диалогичное отношение к обществу. В религиозном смысле миссия в современном мире – не только и не столько стремление обратить в свою веру, сколько стремление рассказать о своей вере, найти точки соприкосновения с другими. Однако, как утверждает О.Л. Церпицкая, «… достаточно серьезной проблемой для современного миссионера является поиск оптимального сочетания формы миссии и ее содержания, то есть доступ-

ное включение религиозных ценностей в конкретную форму проповеди»[3].

С начала 1990-х годов в научном и религиозном дискурсе наряду с понятием «миссия» активно используется термин «прозелитизм», определяемый как обращение христиан из одной конфессии в другую с использованием методов и средств, противоречащих принципам и духу христианской любви и свободы личности[4]. Так, например, представители протестантских евангелических деноминаций считали, что любой человек, являющийся лишь «номинальным» христианином (то есть лишь идентифицирующим себя с христианством), даже если он был ранее крещен, может рассматриваться в качестве законного объекта евангелизации в любом регионе мира независимо от того, действует ли там другая христианская церковь или нет[5]. Следует отметить, что единое мнение относительно сопоставления понятий «миссия» и «прозелитизм» среди учёных отсутствует. Одни из них считают данные понятия тождественными, другие говорят о существующих между ними различиях. Мы склонны придерживаться второй точки зрения.

В отличие от прозелитизма миссионерство включает в себя следующие грани: 1) пропаганда веры (т.е. системы религиозных взглядов); 2) распространение царства Божия; 3) обращение язычников; 4) установление новых церквей. Религиозные деятели характеризуют миссионерство как крепкую смесь «провидения, благочестия, политики и патриотизма». По словам Г. Варнека, основателя протестантской миссиологии, миссионерство есть «закон жизни Церкви». Он первым увидел, что миссионерская деятельность формирует изначальные формы христианства, а процесс конверсии рассматривался им в тандеме с секуляризацией мировой торговли и научного образования[6]. С точки зрения священника С. Широкова, «… как и всякая другая, миссионерская деятельность может быть сведена к совокупности миссионерских актов. Сама же миссионерская деятельность есть выражение апостольской природы Церкви, а «миссионерский акт» есть прежде всего свидетельство присутствия Бога в человеческой истории. Без понимания этой природы миссионерская деятельность, различные ее «миссиологические» интерпретации превращаются не более чем в абстрактные, схоластические рассуждения»[7].

С нашей точки зрения, миссионерскую деятельность можно определить как деятельность религиозной организации, направленную на распространение своего вероучения среди лиц, не являющихся членами, участниками, последователями данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в религиозное объединение, и осуществляемую через специальных представителей-миссионеров непосредственно, публично, при помощи средств массовой информации либо другими законными способами на канонической или еще не освоенной религиозным объединением территории.

Следует отметить, что в Российской Федерации религиозным организациям разрешается распространять свое вероучение, вести благотворительную, административно-организационную и другую работу[8], однако механизм реализации данной нормы в части миссионерской деятельности законодательно не отрегулирован. В целях восполнения этого пробела некоторые субъекты РФ (Республики Северная Осетия-Алания, Калмыкия, Башкортостан, а также Орловская, Курганская, Магаданская, Свердловская, Смоленская и Удмуртская области), начиная с 1990-х годов, приняли ряд законодательных актов, регулирующих миссионерскую деятельность, однако в настоящее время некоторые из них отменены, опротестованы через суд или органами прокуратуры (Орловская область). Действующим законодательством (например, законы Белгородской, Курской, Костромской, Смоленской и Воронежской областей) миссионерская деятельность определяется как: 1) информационная и организационная деятельность представителей религиозных объединений, прямо или косвенно направленная на распространение своего вероучения и религиозной практики среди лиц иной веры или неверующих[9]; 2) деятельность религиозных организаций и их представителей, направленная на распространение вероучений с целью привлечения граждан к

религиозной практике[10]. При этом, миссионерскую деятельность на территории той или иной области имеют право осуществлять миссионеры, представляющие религиозное объединение и имеющие документ, удостоверяющий их принадлежность к этому объединению.

В 2006 году Министерство юстиции РФ представило на рассмотрение в Правительство проект закона «О миссионерской деятельности», который был отправлен на доработку и осенью 2009 года повторно представлен в виде поправок к Закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» и к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Данные поправки касаются некоторых ограничений религиозной деятельности и в части распространения вероучения и направлены на ограждение общества и государства, а также религиозных общин от проявлений экстремизма, навязывания вероучительных идей и мошенничества. Разработчики законопроекта предлагают запретить проповедь лицам, специально не уполномоченным на это религиозной организацией, а также распространение вероучения вне территории своих культовых зданий и духовных центров. За нарушение тех или иных ограничительных норм впервые в российском законодательстве предусмотрены санкции: штрафы от 2 тыс. до 5 тыс. руб. для физических лиц и от 5 тыс. до 7 тыс. руб. для юридических лиц. Однако данный законопроект также вызвал неоднозначную реакцию как у представителей религиозных организаций (К.А. Чернега, Н. Аширов), так и в научном сообществе. Свою точку зрения по данной проблеме высказали эксперты-юристы и религиоведы – Р. Лункин, А. Себенцов, А. Малашенко, А. Пчелинцев, А. Дворкин и др. Многие из них считают, что резкие формулировки законопроекта, противоречащие действующей Конституции, помешают его принятию.

В этой связи мы приходим к выводу, что данный законопроект требует своей доработки, особенно в части анализа высказанных замечаний. Но главная его идея – о необходимости правовой регламентации миссионерской деятельности, с нашей точки зрения, оправданна. Существующий на сегодняшний день правовой вакуум в данном вопросе необходимо ликвидировать. О таком решении проблемы говорят и региональные власти, и представители общественности, и журналисты.

Совершенно очевидно, что миссионерская деятельность носит социальный характер. Это обусловлено: привлечением мирян к участию в социальном служении, катехизаторской работе, в миссионерских экспедициях, в конференциях, диспутах, интернет-форумах, в теле- и радиопередачах, благотворительных акциях и иных формах общественной активности; организацией миссионерских кружков; развитием всех приемлемых (не противоречащих нравственности и не нарушающих светское законодательство) форм антисектантской деятельности и разработкой целенаправленных миссионерских программ по нейтрализации прозелитизма и религиозного экстремизма; созданием особых центров по социальной, психологической и духовной реабилитации бывших адептов сектантских организаций (деструктивных культов). Практика подобных мероприятий в большей степени относится к деятельности Русской Православной Церкви.

Вместе с тем, как отмечают исследователи (Е.М. Дринова, М.М. Мчедлова, Г.В. Станкевич, М.С. Топчиев), сегодня можно говорить о значительном воздействии религиозного фактора на политические процессы и институты, что, с нашей точки зрения, предопределяет политический аспект миссионерства. Так, например, Российское государство рассматривало миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви в качестве реализации своих геополитических устремлений и поддержания международного престижа.

В науке политические аспекты миссионерства рассмотрены Д. Бошем, Ю.В. Колесниченко, Л.Ч. Алаговой, Н.А. Трофимчуком и М.П. Свищевым, О.Б. Козловым, И.А. Арзумановым и другими. В частности, исследователи указывают на то, что в условиях глобализации религиозному синкретизму сопутствуют детерриториализация религии, когда одни религии теряют исторически сложившийся территориальный базис, а другие пытаются закрепить свое влияние в определенной местности. Появляется такой феномен, как сетевая религия, с подвижной сетью автономных

общин, независимых от политических, конфессиональных, культурных границ. Примерами такого рода глобальных религий чаще всего считаются протестантские евангелические Церкви, неопятидесятничество, движение «нью-эйдж», бахаизм и некоторые другие, миссионеры которых не только распространяют религиозные воззрения, но и готовят почву для территориальных притязаний, смены религиозных и духовных ценностей и ориентиров местного сообщества. Для них национально-религиозное и геополитическое положение России представляет прямой интерес.

«Взаимодействие геополитики и миссионерской деятельности приводит к возникновению модели «взаимогенерирования», из которой следует, что геополитические амбиции и миссионерские мотивации постоянно взаимовозбуждаются, подталкивают и усиливают активность друг друга. В этой модели взаимодействуют сильные стороны, которые оказывают стимулирующее влияние на массы, поскольку реализуют национальные интересы и государственные устремления. Возникает идея необходимости контроля над пространством в целях как реализации государством своих экономических и политических интересов, так и духовно-нравственного совершенствования общества или ликвидации зла, угрожающего человечеству. Каждая из составляющих выполняет свою задачу контроля над определенной частью пространства»[11].

Вышеобозначенное позволяет сделать вывод, что миссионерство, представляющее собой закономерное культурно-историческое явление, становится одним из инструментов влияния на политическую направленность социальных преобразований. Исходя из выбираемых методов миссионерской деятельности (инкарнационный подход, метод присутствия, политический подход, социальный евангелизм, апологетический, идеологический, националистический подходы, методы контрмиссии и лжемиссии), параллельно с миссией могут проводиться определенные внешне- и внутриполитические цели государства, эффективность достижения которых напрямую связана с эффективностью деятельности миссии.

В заключение следует отметить, что многие ученые и религиозные деятели (Д. Белл, Д. Бош, С. Головин, Т. Лукман, Л. Ньюбигин, М.Н. Черенков) говорят о смене парадигмы в миссиологии и соответствующих изменениях в методах и направлениях миссионерской работы. Поэтому становится очевидным, что нужно развивать новые формы миссионерства, использовать язык, понятный для современной аудитории.

---

[1] Бондаренко Л.Ф. О главных принципах православного миссионерства и их проявлении в деятельности Алтайской духовной миссии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 67–70.

[2] Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html (Дата обращения: 10.04.2012).

[3] Церпицкая О.Л. Теоретические аспекты миссионерской деятельности // Обозреватель-Observer. 2010. № 3. С. 81–89.

[4] Казьмина О.Е. Проблема прозелитизма и формирование новой религиозной ситуации в России // Вестник МУ. Серия 8. История. № 6. 2007. С. 70–82.

[5] Anderson G.H. American Protestants in Pursuit of Mission: 1886–1986 // International Bulletin of Missionary Research. 1988. Vol. 12. P. 100; Witte J., Jr. Introduction // Proselytism and Orthodoxy in Russia. The New War for Souls. Maryknoll (NY), 1999. P. 21.

[6] Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Миссионерская деятельность в системе политических отношений // Социология власти. 1998. № 2–3. С. 92–166.

[7] Широков С. Основы современной миссиологической науки и развитие миссионерских исследований // Религия и право. 2004. № 1.

[8] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 29.06.2004, № 58-ФЗ) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 30.08.2004. № 35. Ст. 3607.

[9] Закон Белгородской области «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» № 132 от 19 марта 2002 года // Сборник нормативно-правовых актов Белгородской области. № 27 январь-март: Сб. нормативных актов. Белгород, 2001.

[10] Закон Воронежской области «О порядке осуществления миссионерской деятельности на территории Воронежской области» (в ред. законов Воронежской области от 03.06.1999 № 92-II-ОЗ, от 12.03.2008 № 5-ОЗ, от 12.05.2009 № 33-ОЗ)) // Собрание законодательства Воронежской области. Т. 5: Сб. нормативных актов. Воронеж, 2000.

[11] Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М.: ЭКМО, 2000. С. 66.